

О чем вы думаете, глядя на кирпич?

Выставка знаменитого японца Нобуёси Араки в Московском Доме фотографии

*Новые известия.
2002. — 23 мая. —
с. 7*

**Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»**

Под занавес «Фотобиеннале-2002» столичных зрителей решили познакомить с творчеством фотографа-эпатажника, «террориста чувств». Изысканного прозвища Араки удостоился от Бьорк, которая сама не промах в части культурных провокаций. В фестивальных бумагах хватало и других разогревающих эпитетов, так что народу на вернисаже набилось изрядно. Среди публики даже вспыхивали импровизированные диспуты, что по нынешним пресыщенным временам большая редкость. Спорщики, впрочем, на удивление быстро сходились в том, что «никакое это не искусство»...

Выставку под бесхитростным заголовком «Токийский натюрморт» составляют несколько серий, отражающих эстетические принципы мастера. Сказать, что это лишь малая часть авторского архива, — значит, не сказать ничего: Араки отличается чудовищной плодовитостью. Он ежедневно изводит на токийских улицах не меньше двух пленок, а в период творческого экстаза был зафиксирован и вовсе рекордный показатель — 80 катушек за два дня. При таких темпах, да за сорок лет работы... В итоге Араки добился-таки внимания мировой общественности: в последние годы он крайне популярен в Европе и Америке, его превозносят интеллектуалы, а широкие слои населения считают с прилавков многотысячные тиражи его альбомов.

В том, что сам фотограф считает себя гением, нет ничего необычного, это со многими случается. Гораздо удивительнее, что к его мнению присоединилась публика. Одним навалом зрителей не проймешь, нужно задеть какие-то потаенные струны. Есть изысканные мастера эротических сцен, есть талантливые фотографы-урбанисты, есть тонкие наблюдатели жизни

Работа из серии «Обнаженная натура в Токио».

растений. Обычно жанры не смешиваются, по крайней мере в пределах одной серии, но Араки этот предрассудок из своей практики устранил. Его взгляд — это взгляд мухи или стрекозы, фасеточный калейдоскоп, в котором нет места любованию отдельным фрагментом. Самая показательная в этом отношении серия, «Ностальгия по Токио», так и экспонируется — шпалерно, в 16 рядов, без акцентов и предпочтений. Кошка на подоконнике, неоновая реклама, пассажиры в ожидании автобуса, предельно откровенные сцены в публичном доме, трансформаторная будка, ветка сакуры в вазе, опять порнографические подробности, затем натюрморт с посудой и т.д. Сало-мазо среди унылых банальностей.

Араки не вычленил порнографию из общего потока жизни. Вероятно, это качество и поражает выдавших виды критиков: само по себе не ново, но чтобы так обыден-

но, без упоения, между делом... Уже потом начинаются поиски глубинной символики в подвешенных на веревках или опутанных проводами женщинах, сопоставления любовных актов с бесконечной текучкой за окнами, разглядывание пестиков и тычинок с позиций эротомана. Нобуёси Араки здесь охотно подыгрывает — взять хотя бы его серию «Обнаженная натура в Токио», где раздетые модели совмещаются с ординарными видами города. Вроде бы классический принцип монтажа, но от стыка двух кадров третий смысл не рождается, потому как сами кадры не слишком осмысленны. Терзай себя догадками, постарайся почувствовать, что таится за этими парами изображений — и какой-нибудь эффект непременно возникнет. У Араки вообще многое построено на добровольной подчиненности зрителя: надо заранее поддаться на провокацию, решить, что во всем этом присут-

ствует что-нибудь такое, что перечислением не исчерпывается. Самогипноз — великая сила.

Выставка устроена по гастрольной схеме, предложенной самим художником. Большинство работ на ней относится к 1990-м, кроме раннего, 1963 года, сериала «Сэтчин и его брат Мабо» — хроники дворовой токийской шпаны в неореалистической манере. Есть и знаменитое «Сентиментальное путешествие» — лирическое посвящение жене, умершей от рака. Вот Йоко в поезде, вот она в гробу. Балконные перила, облака, разбросанная постель, капельница, могильный камень. Тот же поток впрямую не связанных кадров, только более прочувствованный, эмоционально окрашенный. Здесь он не вуайерист и не провокатор, а летописец более и радостей. Чувствуется способность к сопереживанию, теперь уже окончательно отброшенная. Теперь только взгляд стрекозы...